

и на Енота искреннюю речь
ответил только пожиманьем плеч.
Затем он встал и застегнул сюртук.

Но слова «обезьянье» странный звук
застрял в мозгу. И он всегда, везде
употреблял его в своем труде,
принесшем ему вскоре торжество
и чтимом нынче, как Талмуд.
Что интереснее всего,
так это то, что за подобный труд
ему, хоть он был стар и лыс,
никто гортань не перегрыз.

1970